

где вновь были выдвинуты обвинения в контрреволюции, арестован и в 1938 г. расстрелян. См.: «Что вы делаете со мной!» Документы о жизни и гибели В. Н. Кашина. Сост., вступ. статья и примеч. Р. Ш. Ганелина. СПб., 2006.

² Смелов Е. П. Воспоминания о годах обучения в Санкт-Петербургской духовной семинарии. СПб.; М.: Свято-Владимирское изд-во, 2009.

³ Воспоминания Е. П. Смелова предоставлены его внучкой, Еленой Михайловной Травиной, кандидатом философских наук.

⁴ Смелов Е. Думы о былом. Петроград в 1919–1921 гг. // Альманах «Русский мир». СПб., 2010. № 3.

⁵ Доходный дом А. Н. Перцова («Перцов дом») на Лиговском, 44, был построен по проекту архитекторов С. П. Галензовского, И. Ю. Мошинского (при участии И. А. Претро) в 1910–1911 гг. в стиле модерн. Дом был рассчитан на жильцов разного достатка. В нем имелись и меблированные комнаты, и благоустроенные (с ванными комнатами и телефонами) квартиры. Были запроектированы собственный читальный зал, кинотеатр, а также магазины.

⁶ Евгеньев-Максимов Владислав Евгеньевич (1883–1955). Литературовед, профессор Ленинградского университета, исследователь истории русской журналистики и творчества Н. А. Некрасова.

⁷ Кинотеатр «Молния» находился на Большой проспекте Петроградской стороны, д. 35. В настоящее время кинотеатр «Мираж-синема».

⁸ Введенский Александр Иванович (1889–1946), один из лидеров обновленческого движения Православной Российской церкви. В 20-е годы имел репутацию непревзойденного оратора благодаря своим выступлениям на публичных диспутах с атеистами.

⁹ Павел Панфилович Жирнов, приятель В. Н. Кашина.

¹⁰ Луначарский, родившийся в 1875 г., и Введенский, родившийся в 1889 г., не могли быть однокашниками.

¹¹ Здание по Чайковского, 53, – это бывший особняк архитектора Александра Карловича Кольмана, построенный им для себя (в соавторстве с архитектором Е. И. Ферри де Пиньи) в 1859–1861 гг. в стиле неоренессанс. В настоящее время в нем располагается Военный комиссариат Центрального района.

¹² Жилой флигель особняка Стенбок-Фермор по Английской набережной, выходящий на Галерную, был построен во второй половине XIX века.

¹³ До этого фамилия Кашин в воспоминаниях ни разу не упоминалась, только инициалы.

Осмыслить время (по семейным воспоминаниям)*

К. В. Коржавин

У нас совершенно не было дров, и вода замерзала на полу. Воду кипятили на «комельки из лучины» внутри обычной комнатной печки. А затем, чтобы не мешать друг другу, делали вид, что спали. До 5 часов утра время тянулось долго... А в 6 утра уже открывались булочные. И мне, как всегда, предстояло обойти много булочных, чтобы уговорить (упросить) доброго продавца продать нам хлеб на 3 дня вперед, а точнее, на третий. Если я возвращался с хлебом, то начинался его дележ по уже установившейся схеме: «Это кому?». Я отворачивался, сестра указывала пальцем и спрашивала: «Это кому?», а мама в порядке контроля наблюдала прямо с кровати. Отец же не ходил и был безразличен к происходившему. Каждый член семьи, откусив немного, прятал свою долю в излюбленный угол комнаты. Я же свой кусочек, чтобы не заглотить сразу, прятал обычно за зеркало. Всячески пытался отвлечь

«Барахолка в блокадном Ленинграде». Худ. Н. И. Шарф

* Продолжение. Начало в № 4 (56), 2010 г.

свои мысли от еды... Но о чем бы я ни думал, я невольно оказывался перед «злосчастливым» зеркалом! И к 11 часам утра вся дневная пайка хлеба была уже съедена. Ну, а дальше я с надеждой шел на Светлановский рынок с солью, перцем или уксусом в слабой надежде выменять в течение дня кусочек дуранды или щепотку отрубей. Ибо об обмене подобной чепухи на кусочек хлеба и мечтать не приходилось (100 гр. хлеба стоили 45 руб., но его и за деньги было не купить). Даже золотое обручальное кольцо предлагали при мне за килограммовую банку капустной хряпы. Спросом на рынке пользовались водка, табачные изделия и теплые вещи (валенки, свитера, меховые шапки, полшубки). А у нас, горожан, теплых зимних вещей не было. А водку и папиросы мы проедали в день их получения по карточкам. Особенно в памяти моей сохранилась встреча Нового 1942 года. Отец еще работал и находился на казарменном положении на заводе «Большевик». Для того чтобы на Новый год прийти домой, он пешком проделал путь через весь город длиной в 18 км, так как за проезд в машине следовало платить водкой, хлебом или папиросами.

Со старой квартиры он принес машинное масло для коптилки и обойный клей (для обмена на еду), купленный еще до войны. Дали ему на Новый год маленькую бутылочку патоки, которую сумели выгнать для себя «умельцы» (не знаю из чего) в химической лаборатории завода. Мигом вскипятили воду и пили ее на сей раз не с перцем, а с патокой. Согревшись, легли спать, как обычно, не раздеваясь. Но сон почему-то не шел... Отец шепнул мне, что клей из муки, но с ядом (со средством против клопов и паразитов). Я его понял и предложил, не откладывая, использовать клей на себе. Мы тихонько встали и вышли с клеем и будильником на кухню. Там мы испекли несколько лепешек из клея и съели, глядя на часы. А когда убедились, что эксперимент окончился удачно и оба живы, то разбудили маму и сестру. Напекли лепешек из клея, смазали их остатками патоки и с этим своеобразным «торгом» встретили Новый 1942 год! Хотел ли мой отец иметь рабочую карточку и быть поближе к семье? Конечно, хотел! Но ему дали

бронь для того, чтобы он трудился на оборонном заводе, чтобы он там жил и находился на месте, где ковалась победа над врагом (там он и работал)! Когда же он превратился в беспомощного дистрофика, то его могли уже отпустить с Богом! Незадолго до своей смерти он получил предписание о немедленной эвакуации на Большую землю самолетом, без семьи вместе с другими специалистами оборонки, и этим был ужасно расстроен. А здесь, в Ленинграде, его, опытного металлурга, который еще в студенческие годы летом кочегарил на невских буксирах, не брали в кочегары даже в обычную котельную, так как говорили, что ему не то, что совковую лопату, но даже кочергу в руках не удержать, и это была правда. Он долго не вставал с постели и не ходил. Но после прорыва блокады, когда началась эвакуация, нам все же удалось приобрести у отъезжавших две продовольственные карточки за деньги, вырученные от продажи патефона и панбархата артистке Ленгосэстрады – любовнице маленького толстенького генерала. И отца мы общими усилиями «поставили на ноги». Он даже маме сказал: «Дусенька! Теперь-то я выживу, я даже мясом обрастать стал». Жаль, что он забыл свою любимую поговорку: «Не говори “гоп!”, пока не перепрыгнешь!»... А когда он узнал, что при заводе открывают стационар для дистрофиков, то попросил меня проводить его на завод «Большевик» (хотя бы до полпути). На первоочередную диспансеризацию за счет завода, конечно, имел моральное право. Он был признанным рационализатором и изобретателем, о нем не раз писали в заводской многотиражке, его портрет (как лучшего металлурга завода) висел на территории завода. В то время слегла мама. У нее, кроме дистрофии, было крупозное воспаление легких, и отец очень беспокоился за ее жизнь. В назначенный день встали мы с отцом ни свет ни заря, и я проводил его до самого Дома Красной армии. На ул. Пестеля, в булочной, мы выпили кипятку (в то время по разрешению городских властей в каждой булочной были «титаны-кипятивильники») и попрощались навсегда. Но тогда я об этом еще не знал. Последние его слова были: «Спаси маму!» Я так и сделал. Я выполнил его наказ! С

огромным трудом через военный госпиталь я достал маме сульфидин (в то время это было очень новое и страшно дефицитное лекарство). А еще мне удалось выменять два кусочка сахара и даже стаканчик молока, которого я не видел с начала войны. И она преодолела кризис и выжила.

Ну, а от отца ни слуха не духа, как в воду канул человек.

ГОЛОДНАЯ СМЕРТЬ ОТЦА

Когда 10-й хлебозавод начал выпекать круглый хлеб, то в его ларек на углу 1-го Муринского и Лесного пр. выстраивались большие очереди. Там у нас с мамой подросток вырвал из рук хлеб для семьи. Парня догнали и повалили, но он успел часть хлеба запихнуть в рот. Остальную часть хлеба в свалке разворовали. Мы плакали всю дорогу.

Кроме предприятий и органов власти, телефоны в городе не работали. Пришлось на завод «Большевик» звонить из райисполкома. И мне ответили, что отец умер от голода прямо за своим рабочим местом и уже похоронен в братской могиле. Предложили прийти за документами и окончательным расчетом. Сестра и я в тот же день поспешили на завод, так как со дня смерти прошло 2 дня, и мы все еще надеялись, что отца еще не успели предать земле. В управлении завода нам выдали документы отца, помещение там было большое, а двери на пр. Обуховской обороны и во двор к моргу практически не закрывались, несмотря на мартовский мороз. Вокруг стола со всех сторон толпились дистрофики, и врач, не глядя, подписывал им «листки нетрудоспособности». Вдоль коридора стояли разнокалиберные железные кровати. На них сносили и складывали дистрофиков с территории завода и подобранных прямо на пр. Обуховской обороны. Врачу было, конечно, не до них. Поэтому судьбу лежавших дистрофиков решали девушки МПВО, которые их сюда приносили. Они проблему своевременного освобождения кроватей для очередных поступлений решали элементарно просто: словно пьяным терли уши, дергали за нос и, если не было признаков жизни, кричали: «Готов!», затем скидывали «готовых» с кровати на пол (на носилки)

и выносили в морг на мороз. А у кого были при себе документы, изымали их для регистрации и учета. Мы решили поискать отца в морге. «Морг» – это слишком громко сказано! Это всего лишь сарай без стен (стены, видимо, пошли в буржуйку), где трупы, одетые и раздетые, были плотно «брикетированы». Обошли мы кругом сарай и, конечно, отца не нашли. Ну, а если бы мы и обнаружили отца, то не смогли бы извлечь его из морга.

Тем временем, на нашей старой квартире решили, что семья полностью вымерла. Шкафы были взломали, лучшие вещи, белье и одежду разворовали (взамен ее положили грязные тряпки) и, завязав шкафы веревками, в акте указали «шкафы с тряпками», украли дубовые стулья, подменили раздвижной стол старым и простым, украли картину, даже новую гитару подменили старой и без струн. Свезли все, что не нужно никому, на склад и записали на фамилию никогда не проживавшего там человека. А нашу комнату заселили, если верить слухам, трофейщиком, демобилизованным по ранению. Остатки наших вещей нам пришлось получать со склада по подтверждению трех соседей-свидетелей, а два наших стула оказались в жилой конторе. Хорошо, что отец краской написал под сидениями свои инициалы, и мы легко доказали, что это наши. Вот так, не покидая города, мы лишились близких, жилья и практически всего имущества. Для убитых горем, истощенных и обессиленных людей наш переход не был легким. На подходе к дому я лег на снег (хотел умереть), и сестра волоком тащила меня почти целую остановку... Я слег надолго, но уже дома... Диплом об окончании ЛПИ моим отцом 05.12.1930 и семь других реликвий переданы в музей ЛПИ по акту № 13/92 от 20.04.1992.

Ну, а где же были музы?

Давно принято считать, что «музы не молчали». Вот что мне об этом известно. Деятели искусства в полной мере разделили с нами трагическую судьбу города. Они тоже голодали, но не сдавались и поддерживали боевой дух тем, кто непосредственно трудился на победу. Известно, что один раз Н. К. Черкасов доставил самолетом в Ленинград для голодающих деятелей

искусств ценные продукты и даже лично участвовал в распределении, но то была лишь «капля в море». Расскажу только о тех, кого лично видел и слышал в период блокады и сразу же после войны.

В самое трудное для города время я был в кинотеатре «Молодежный» на юбилейной встрече с народным артистом СССР Гардиным, который в блокаду жил в доме напротив Таврического сада. В кинозале погас свет. На экране – эпизод из фильма «Иудушка Гоголев». Иудушка (Гардин) слушал, как ему играла на гитаре одна молодая и красивая особа. Затем зажегся свет, на сцене был Гардин, а на гитаре, как в кино, ему играла его молодая жена. Потом была воздушная тревога, и поскольку в зале было зрителей немного, то нас перевели в подвал – в «бомбоубежище». После отбоя воздушной тревоги встреча продолжилась и прошла с большим успехом.

А вот мои родители, разыскивая папиных родственников (по пути на Троицкое поле), на ул. Рубинштейна неожиданно натолкнулись на известную в то время артистку – большого мастера юмора и сатиры, песни и куплета, Александру Степановну Егорову. Ее конференс всегда был на бис! Она вышла на стук в дверь очень худая, нечесаная и в стареньком закопченном халате. Говорят, что ей помогали выжить военные летчики. Дожила ли она до победы? А ведь была она в то время не менее знаменитой, чем Петр Муравский. Петра Муравского с его необычайно длинным носом я имел удовольствие видеть в ДК МВД. Недавно его в связи с юбилеем вспоминали по радио, но ничего не было сказано о его способности к импровизации. Он ведь, как правило, отвечал очень остроумно, видимо, экспромтом, на реплики из зала. Он любил и умел это делать. Я, конечно, не знаю, были ли эти реплики случайными или они были предусмотрены программой концерта, но это было здорово! Последний раз я видел его в 1958 году, в Летнем театре Сестрорецкого парка «Дубки». Он был как всегда элегантен, остроумен, играл на гитаре. Шутил по поводу модной в то время дамской шляпки в виде «ведерка». Он говорил и изображал руками фасон этой шляпки: «Где думать, там поуже, а где не думать, там пошире».

В блокаду слушал я в филармонии в концертном исполнении оперу Бизе «Кармен». Артисты выступали в гриме, в костюмах, но без декораций. Основные партии исполняли: Вельтер (Кармен) и Сороченский (или Сороченцев – Хозе). В замороженном зале было холодно. Народу было немного. В паузах зрители шуршали бумажками и хрустели сухарями, а может быть, дурандой. Но было здорово. Пели великолепно! Весной 1942 года наиболее активные шефы над военным госпиталем из нашей школы были приглашены на концерт для выздоравливающих воинов в актовый зал ЛТА. В это время после ранения там лежал герой Советского Союза летчик-истребитель В. Н. Харитонов. Я тоже присутствовал на концерте. Выступал известный в то время народный артист, певец Иван Нечаев. Он исполнял не только арии из опер, но и пел русские народные песни, пел и по просьбе раненных. Ему вручили несколько маленьких свертков, видимо, с едой, после чего он низко раскланивался перед людьми, пролившими кровь за Родину.

В конце войны мне посчастливилось побывать на премьере спектакля Театра музыкальной комедии «Раскинулось море широко», поставленном по инициативе и при непосредственном участии Всеволода Вишневского (спектакль шел на сцене Пушкинского театра, потому что в зрительный зал Театра музыкальной комедии попала бомба)! В ДК связи я был на концерте джаз-оркестра под управлением Николая Минха (долговязого и очень обаятельного дирижера). Слушал с упоением Зою Рождественскую (ее «И были три свидетеля...») и Ольгу Нестерову (с ее знаменитой «Жду от тебя хоть слова...»), а также любимца женщин, красавца и кокетку Юрия Хочинского (с его «Выходила Клавочка посидеть на лавочке...»). Жаль, что жизнь его оборвалась так рано, в расцвете творческих сил...

Помню, как после войны из-за границы в СССР вернулся любимец старшего поколения Александр Вертинский. Мне довелось слушать его дважды: в Летнем театре Ораниенбаума и в театре Музкомедии. Манера его исполнения была необычной: например, когда он пел «Я маленькая балерина...», то его

руки в белых перчатках совершали движения, словно перед нами танцевала балерина! И ему не зря дали Госпремию за исполнение роли кардинала в фильме «Заговор обреченных». Я был на первом показе этого фильма в кинотеатре «Аврора» и там неожиданно, через один ряд от себя увидел Константина Симонова с артисткой кино Валентиной Серовой, которая в этом фильме сыграла эпизодическую и весьма отрицательную роль. И вот, что удивило меня: по черно-белым фильмам с ее участием (например, «Девушка с характером»), я всегда считал, что у нее темно-карие глаза. Каково же было мое удивление, когда я увидел необычайно темные, голубые (скорее даже синие) глаза!

Вспомнил я и о торжественном приеме в Смольном по поводу прибытия в наш блокадный город партизанского продовольственного обоза. О нем значительно подробнее я узнал в городском лектории на Литейном пр., 42 (дворец Юсуповых). Там выступал начальник обоза. Он рассказывал, что продукты на оккупированной врагом территории были собраны по крохам и с большим трудом. Ночью (без особых приключений) перешли линию фронта. В пустынный, словно вымерший, город вступили в сумерках, на рассвете. Невский проспект был в сугробах, под шапками у обочины стоял городской транспорт... Даже думали, что с помощью несколько запоздали. Но на следующий день в Смольном был устроен пышный прием. Столы «ломились» от угощений и вина. Мы были ошарашены от увиденного. На прием были приглашены деятели науки и культуры. Был устроен концерт силами профессионалов и любителей (самодельность). На баяне играл сам Андрей Жданов. Примерно то же самое по радио вспоминала и певица Вельтер: «Посадили меня за стол, рядом с блюдом, в котором были слоеные пирожки с мясом. Вот я с голода на них и навалилась... А рядом со мной сидел полковник медицинской службы. Так он вежливо взял меня за локоток и шепнул: «Поостерегитесь, а то будет завороток кишок!»».

Что это такое, я видел однажды собственными глазами. У станции «Ланская» истощенный донельзя мальчик просто умолял дать ему

«Двое». Худ. Н. И. Шарф

кусочек хлеба. Говорил, что уже три дня ничего не ел. И наплась одна добрая женщина, которая дала ему небольшой довесок. Он его тут же мигом заглотил (как собака), затем упал, стал кричать, извиваться на снегу и вскоре умер. На первый взгляд, всем известно, что дистрофия – это истощение организма. А что происходит при этом с организмом? Об этой болезни толком не знали в блокаду, да и до сих пор еще не разобрались до конца, если даже из США полвека спустя прибыли врачи и провели бесплатные обследования тех, кто был все 900 дней в блокаде и выжил. Конечно, это было сделано не для того, чтобы в трудные времена оказать посильную медицинскую помощь, а для того, чтобы изучить более досконально коварные последствия голода (психические отклонения, причину бездетности и симптомы скверной наследственности по ряду заболеваний, особенно сердечных). А я-то хорошо помню, как выглядели дистрофики (сам таким был). Глаза провалились в глубокие глазницы и поблескивали из них каким-то недобрым призрачным светом. Они имели какое-то ненормальное, злобное выражение. А из бровей, несмотря на то, что я был блондин, торчали черные острые и жесткие, как конские, волосинки, которые срастались на переносице. Нижняя часть лица из-за провалившихся щек выпирала, как у обезьяны. Из-под тонких обтянутых губ (или

того, что от них осталось) торчали желтые (уже частично выпавшие) зубы. Из распухших десен сочилась кровь. Ну, а как выглядело тело? Ребра наружу, живот втянут к позвоночнику. Руки и ноги распухли. На обратных сторонах ладоней – «подушечки», а ноги ниже колен, как молочные бутылки. По цвету они чем-то похожи на спелые дыни в сеточку. А из сеточек-трещин сочилась уже не кровь, а какая-то вонючая сыворотка. Резко изменился голос. И поэтому все дистрофики 3-й степени пищали тоненькими голосами. Все движения становились замедленными. А мысли были заторможены и сосредоточены только на еде! Походка становилась медленной с наклоном тела назад. Вшей было так много, что они спускались с волос головы на брови. У многих дистрофия 3-й степени (еще до смерти) заканчивалась помешательством. У меня с 14 марта 1942 года по 31 марта 1943 года память не сохранила ни одного человеческого лица. Говорили, что ссыхается мозг (но я не знаю, так ли это).

Однажды при очередном посещении вместе с отцом нашей старой квартиры на Троицком поле у меня был приступ голодного помешательства... Я, как рассказывал отец, с топором в руках кинулся на дверь смежной комнаты где проживала семья Щербаковых, находящихся в эвакуации, и начал с остервенением ее рубить! При этом я кричал: «Там еда, там много еды!». Отец с трудом

повалил меня с ног и сел на меня верхом. После того похода я слег надолго и лишился начисто памяти. Когда ко мне вернулась память, я так и не смог вспомнить более месяца своей жизни... Не скрою, что и после службы на флоте (в 1951 году) у меня был психический срыв, истолкованный врачами как последствие блокады. Меня много кололи, и два года я находился на учете в калининском психиатрическом диспансере (Свердловская наб., 40, дача Безбородко).

Блокада даже на лице блокадника оставляет свой неизгладимый след. Блокадника даже через 50 лет ни с кем не перепутаешь.

МОЕ ВОСКРЕШЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ

Как в первые дни советской власти, когда в Петрограде был голод, так и годы войны, жили все далеко не одинаково... Вот, к примеру, у бабушки Надежды Карловны в блокадном Ленинграде жили две двоюродные сестры — тетя Марта и тетя Эмма. Первая из них была красавицей, блистала при дворе и удачно вышла замуж за известного адвоката Петра Степановича Мартынова. У них был приемный сын Сережа, который в офицерском звании служил в РККА. Проживали они на Кирочной улице возле новой школы. Другая тетушка была классной портнихой, шила богатую одежду для придворной знати. Проживала она на ул. Некрасова. В блокаду, по пути на Троицкое поле, побывали у тети Марты мои родители. И предложенным им угощением остались довольны! Их, несмотря на трудное и голодное время, напоили настоящим чаем, да еще с сахаром и хлеб, отрезали аж от целой буханки! Да и после войны тетя Марта ни в чем себе не отказывала (а ведь в 1947 году в городе вновь наступило голодное время). В 1960-е годы тетя Марта лакомилась маринованными миногами из Елисеевского гастронома... На случай своей непредвиденной смерти она показала тете Лиде (папиной сестре) свой тайник в столе, где хранились ее драгоценности. Несколько позднее она, видимо, крепко повздорила с тетей Лидой и уехала к родственникам мужа в Новосибирск, где вскоре умерла. А у тети Эммы мне посчастливилось побывать в ее

коммунальной квартире только раз. Эта высококлассная портниха, несмотря на свой преклонный возраст, была вся в работе. Она шла на дому на заказ уже для советской знати из Смольного и Большого дома. Они, оказывается, в трудное, голодное время, нуждались в модных нарядах! У нее, не считая денег, было все: хлеб, масло, мясо, сахар и шоколад. Она встретила меня очень радушно и гостеприимно. Сокрушалась о безвременной кончине моего отца. Угощала от пуза! Я никогда за всю войну так много и вкусно не ел. В дорогу она мне дала много ценных продуктов. Но когда уже по «протоптанной дороге», я заявился вновь, то соседи тети Эммы меня даже на порог не пустили! Они категорически заявили мне, что тетя Эмма скоропостижно скончалась, и чтобы я по этому адресу больше не являлся. А так ли это было на самом деле, и когда в действительности умерла тетя Эмма, об этом мне не известно.

То, что всякое начальство себя не обижало даже в блокаду, мне известно еще по одному эпизоду. В 1943 году, когда я уже работал на седьмом хлебозаводе по спецзаказу для Смольного, из лучшей белой муки на масле и сахаре было изготовлено два ящика сдобного печенья. Так вот к этим ящикам нас охрана даже близко не подпустила (тех самых, кто круглосуточно выпекал блокадный хлеб с мелассой и прочими несъедобными добавками).

Война унесла слишком много жизней... Только наш город за 900 дней блокады положил на алтарь Отечества полтора миллиона жизней людей, его защищавших. И было бы к месту упрекнуть господ-товарищей, что они пышно праздную победу в Смольном, занимаясь не в меру самовосхвалением своих собственных заслуг, почему-то забыли встать и почтить память погибших минутой молчания! Память тех самых безвременно ушедших из жизни защитников города, которым они и обязаны этой Великой Победой. Может быть, поэтому к надуманному в верхах разгрому чиновничества («Ленинградское дело») народ также в какой-то степени отнесся равнодушно, без особого сочувствия. Хотя ведь при этом пострадало много невинных людей (например, только за то, что

был в хороших отношениях, или был шофером при начальстве). Поэтому, когда я рассказываю о своих собственных мытарствах в блокадном городе, я говорю о судьбах многих подростков, о судьбе целого поколения.

После первого краткосрочного пребывания в стационаре (Лесной пр., д. 37), где меня не излечили от дистрофии, а, подкормив, просто «поставили на ноги», я вскоре угодил в больницу Турнера (на Лахтинской ул. на Петроградской стороне). Я уже был обречен на верную смерть, так как не только не ходил, но уже и не стоял на ногах (даже при больничном регулярном питании). Но однажды обход больницы делал светило медицины профессор Гротель. Он, видимо, в городе большую должность занимал, если его сопровождала большая свита медиков во главе с главным врачом больницы. Больных представляли по очереди. В палате находились подростки. В соседней смежной комнате от водянки умирала женщина. Когда она умерла, то из-под ее двери вытекала какая-то жидкость... Так вот, когда комиссия врачей поравнялась в моей кровати, то главврач (женщина средних лет), махнув рукой, сказала профессору Гротелю, что тут уже ничего нельзя сделать... Но профессор вдруг остановился около меня и попросил, чтобы меня подняли и поддержали под руки. После осмотра он заключил с главврачом (при всех) пари, что сделает из меня «молодца»... И он выиграл это пари, а я воскрес из мертвых! Правда, благодаря тому пари меня держали в больнице дольше других и кормили лучше других за счет иностранной благотворительной помощи, которую я получал регулярно в дополнение к общему рациону. Именно там я впервые попробовал глюкозу, жевательные резинки и пряники из «фондов» международного Красного Креста. Там я заново учился ходить по одному часу в день вокруг овального стола. Но когда меня выписали из больницы, я не смог сесть в трамвай (которые уже пошли), так как не мог поднять ноги (чтобы поставить их поочередно на ступеньку подножки трамвая). Дома я никого не нашел (думал, что вымерли). А на самом деле мама так же как и я кочевала по больницам, а сестра находилась круглосуточно

в детском саду МВД (я же не знал, что она работает). После непродолжительных скитаний и мытарств я досрочно проел свои карточки (продал маклакам). Бродяжничал, а случалось, и воровал. Был не раз бит до полусмерти, но выжил. Но чаще меня били не за дело (просто по подозрению). Например, от голода в магазине (который был напротив имени Ланских) из колоды для рубки мяса (которая стояла за прилавком) я начал выскабливать редкие волокна застрявшего мяса, и стал тут же класть их в рот. Так вот, два здоровых мужика схватили меня за шиворот, затащили к себе и жестоко избив до крови, выбросили меня (через служебный выход) прямо в сугроб, где я отлеживался более 2 часов. Бродяжничая, я перебрался на Петроградскую сторону. Там я был задержан, но был доставлен не в милицию, а в Петроградский РОНО (который был расположен над рыбным магазином на Большом проспекте). Оттуда я попал в распределитель на Песочную наб., д. 22 (ныне там отделение милиции). В том особнячке беспризорники были на карантине. Там было тепло и уютно. Очень хорошо кормили, много было игр, книг. Нас изучали и проверяли. Выявляли тех, кто был в розыске. Но счастье было недолгим, так как после карантина я попал в детский дом на Песочной наб., д. 25 (на этом месте теперь находится Дворец Молодежи).

Только теперь я понимаю, что подобные «пересылочные» детдома создавались второпях, в дополнение к штатным детдомам города (которые функционировали еще в довоенное время), так как уж слишком много детей лишились родителей в блокадном городе. И, конечно, были укомплектованы случайными людьми, а не профессиональными преподавателями и

воспитателями. Беспризорников просто необходимо было собрать в кучу и срочно вывести на Большую землю. В том детдоме я встретил 1943-й Новый год. Жили мы в ту пору на втором этаже, а на первом лежали под замком детдомовские дистрофики (те, кто уже не мог ходить). И оттуда шло их распределение по больницам города. На первый этаж попасть было даже очень легко... Так как наш детдом чем-то напоминал воровскую малину, где главенствовало право сильного. Когда нас кормили, то пайки шли на «хапок»... И кто-то (кто слабее) систематически оставался без хлеба, а кто-то проигрывал еду в карты, или во что-нибудь еще. Раз не поел, два раза не поел, и ты уже на первом этаже. Даже счастье погреться у печки определялось правом сильного. Хороводил всем здоровенный сын завхоза, а ему помогали господствовать над всеми остальными и терроризировать слабых старшего возраста. Они постоянно греясь у печки, допускали нас к ней поочередно за охапку хвороста на время, пока горел хворост. Так что в детдоме было холодно. И когда укладывались спать с головой под одеяло, то давалась команда: «Заводи моторы!». И все дружно начинали лязгать зубами, создавая звук, похожий на шум авиационных моторов... Я не думаю, что это как-то помогало, чтобы согреться и уснуть. А утром нас поднимал завхоз затрепинами, гнал на завтрак, а оттуда в школу. В «школу слепых» (слепые были эвакуированы). Но большинство из нас в школу не ходили, а рыскали по базаром, навещали родительские квартиры (чтобы что-нибудь украсть у соседей), или ходили в баню (чтобы согреться). Я предпочитал баню на р. Карповке, там и отсиживался

в тепле до тех пор, пока не отощал настолько, что попал на первый этаж детдома. Под замком завхоза было спокойнее, так как уже никто не мог отобрать мою еду.

Напротив меня лежал мальчик с болезнью Дауна, который уже плохо соображал, но зато очень тщательно вылизывал тарелку с использованием солнечного зайчика (которого он лихо ловил на дне тарелки). Из этого детдомовского лазарета я вновь попал в больницу Турнера. В ту пору детдом готовился к эвакуации. Я не хотел уезжать из Ленинграда и поэтому (после пребывания в больнице) в детдом я уже не вернулся! К тому времени я уже знал, что моя мама жива. Она, когда ей удавалось что-нибудь обменять на хлеб приносила мне крохотный кусочек хлеба, проделав путь длинной от завода «Светлана» через Новую деревню до Петроградской стороны. Я же (чтобы не отняли) ломал этот кусочек еще на более мелкие крошки и распихивал их по своим многочисленным карманам.

Во время моего пребывания на втором этаже детдома я систематически подвергался издевательствам со стороны сына завхоза. Но однажды он довел меня до такого состояния, что я обезумел и бросился на него со сломанным столовым ножом... Он не на шутку испугался, но убежать не успел! Я загнал его в угол... Чтобы как-то защититься от меня, он замотался в ватное одеяло... И я его бил, пока не обессилил... Он был весь в синяках, а я три дня прятался от его отца. После того меня как-то зауважали. Но это не спасло меня от первого этажа со всеми вытекающими последствиями. Липовые воспитатели отбывали формально свой номер, и даже появлялись в детдоме в основном для составления отчетов, которые строчили под замком в своих кабинетах.

